

В. И. МАКСИМОВ

О МЕТОДЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Хотя уже у М. В. Ломоносова, Н. Греча и А. Х. Востокова есть интересные наблюдения над составом слова и его изменениями, начало разработки метода морфологического анализа в русской лингвистической науке следует отнести к высказываниям Г. Павского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, М. М. Покровского¹. Н. Крушевский был первым в русской лингвистике, кто четко сформулировал метод морфологического анализа, предусматривающий двойное сопоставление производных. Он указывал, что обособлению суффикса способствует: «1) Когда звуковой комплекс, к которому он присоединяется, находится в языке и без этого суффикса, но также и без того оттенка в значении, который сообщается этим суффиксом. Так, например, суффикс *-ик* слова *домик* обособляется хорошо... потому, что рядом имеется слово *дом* без этого суффикса... 2) Когда он находится в целом ряде слов, придавая постоянно один и тот же оттенок значению коренного комплекса звуков. Так, наш суффикс *-ик* можно найти в весьма многих словах, причем каждое из них имеет уменьшительно-ласкательный оттенок»².

А. М. Пешковский также был сторонником метода «двойного сопоставления» и немало способствовал продвижению его в практику морфологического анализа. Широко известны его слова: «В одном из этих рядов должна являться та же основа с другими формальными частями (вертикальный ряд нашей схемы), в другом — та же формальная часть с другими основами (горизонтальный ряд схемы)»³.

Таким образом, к 30—40-м годам в отечественной лингвистике определился метод морфологического анализа, заключающийся в сопоставлении производного слова с другими по вертикальному и горизонтальному ряду. Однако существовали причины, которые благоприятствовали если не произволу, то значительному разнообразию морфологического анализа. Главные из них — в отсутствии теоретического разъяснения указанного метода и связанных с ним понятий, в неопределенности принципов и границ их применения, в неразграничении морфемного и словообразовательного анализа и особенно в крайней скудости конкретных исследований в данной области, в подчинении их зачастую лексикологическим целям. Между тем все ускоряющееся развитие науки о языке, понимание

¹ Г. Павский, Филологические наблюдения над составом русского слова, СПб., 1850, стр. 2, 3, 169, 170, 242; Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1959, стр. 92—94; А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I, М., 1958, стр. 21; М. М. Покровский, Материалы для исторической грамматики латинского языка, «Уч. зап. Московск. ун-та. Отдел историко-филологический», 25, 1889, стр. V, 52.

² Н. Крушевский, Очерки науки о языке, Казань, 1883, стр. 77. См. также: А. И. Анастасиев, Морфологический анализ слов, ФЗ, 1885, IV—V, стр. 29—30; ФЗ, 1887, III—IV, стр. 46; Ф. Ф. Фортунатов, Избр. труды, I, М., 1956, стр. 147.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 45.

последнего как целостной системы, массовый наплыв в современные языки новообразований, постановка задач прикладной лингвистики (машинного перевода, регулирования терминотворчества и др.) создает предпосылки для углубленного изучения слова как образуемой единицы.

Попытка по-иному подойти к морфологическому анализу принадлежит дескриптивному направлению, выдвинувшему метод анализа по непосредственно-составляющим (НС). Н. А. Слюсарева положительными моментами этого метода считает то, что он «основан на понимании языка как системы», «связан с теорией модели в языке», «зигждется также на том, что единицы, выделяемые на любом уровне языковой системы, связаны друг с другом разнородными отношениями»⁴. Сюда же она относит отделение ударения при морфологическом анализе, хотя тесная связь ударения со словообразовательным типом и отдельными его компонентами не позволяет согласиться с раздельным его рассмотрением. Недостатками метода Н. А. Слюсарева считает неясность в вопросах о том, «возможно ли дальнейшее разложение слова..., в котором два компонента выделяются лишь на основе этимологических данных»⁵, все ли вычленяемые отрезки являются морфемами, а также невозможность анализа по НС слов с внутренней флексией, со скрытым морфем, соединительным гласным⁶, отсутствие четких критериев деления конструкции на две противостоящие части, определения границы между ними⁷. Серьезные упреки в адрес рассматриваемого метода делает Н. Д. Арутюнова: «Не способствует выделению релевантных моделей и метод деления слов на непосредственно-составляющие, широко применяемый дескриптивистами. Используя этот прием..., нельзя отделить элементы речи от элементов языка, нельзя провести грань между типами, активно функционирующими в современном словообразовании, и моделями, выпавшими из системы языка, но представленными рядами ранее созданных слов»⁸. «Метод непосредственно-составляющих не всегда способствует также определению словообразовательной структуры слова. Членение слова на морфемы уже совсем не обязательно совпадает с существующими нормами словообразования. На этой стадии синхрония перекрещивается с диахронией, словообразование с морфологическим составом слов»⁹. Все это делает построение системы словообразования практически невозможным.

Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова считают, что простейшие значимые единицы «не всегда могут быть получены путем применения принципа непосредственно-составляющих»¹⁰. По их мнению, при анализе этим методом существительных типа *приход*, *подвоз*, *разъезд* получается искаженная картина их производства, так эти слова возникли не посредством прямого соединения морфем (*при* + *ход* и т. п.), а от приставочных глаголов *приходить*, *подвозить*, *разъезжать*. Не соглашаться с данным

⁴ Н. А. С л ю с а р е в а, Лингвистический анализ по непосредственно-составляющим, ВЯ, 1930, 6, стр. 100.

⁵ Там же, стр. 103.

⁶ См. там же, стр. 104.

⁷ См. там же, стр. 106. См. также: K. L. P i k e, *Taxem's and immediate constituents*, «Language», 19, 2, 1943, стр. 76—81; R. W e l l s, *Immediate constituents*, в кн. «Readings in linguistics», ed. by M. Joos, Washington, 1957, стр. 187 и сл.; S. C h a t m a n, *Immediate constituents and expansion analysis*, «Word», 11, 3, 1955, стр. 378.

⁸ Н. Д. А р у т ю н о в а, Статьи Г. Марцанца по теории синхронного словообразования, ВЯ, 1959, 2, стр. 128.

⁹ Н. Д. А р у т ю н о в а, Очерки по словообразованию в современном испанском языке, М., 1961, стр. 23.

¹⁰ Н. Д. А р у т ю н о в а, Е. С. К у б р я к о в а, Морфология в трудах американских дескриптивистов, «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961, стр. 206.

мнением можно только в том случае, если толковать термин «морфема» не в дескриптивистском плане, а в традиционном и одновременно понимать под морфемой производящую основу.

Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова указывают, кроме того, что «принцип установления морфемных сегментов в рамках стабильного окружения не препятствует выделению случайных отрезков, лишенных какой бы то ни было морфологической значимости»¹¹. Наконец, отмечается также, что «...анализу по НС подлежат только двучастные конструкции... Анализ по НС не может вскрыть словообразовательных отношений, созданных конверсией или преобразованием корневого элемента... Метод НС не всегда позволяет отличить отношения первичной производности и вторичной... Не поддаются решению при помощи анализа по НС и некоторые другие, более сложные типы производных»¹².

М. Д. Степанова, признавая, что производное слово, например *jünglingen*, может быть расчленено на НС тремя (!) способами (корень *jüng* + + деривационный суффикс, грамматический суффикс и флексия *-lingen*; корень, деривационный суффикс и грамматический суффикс — *jünglinge* + + флексия *-n*; корень и деривационный суффикс *jüngling* + грамматический суффикс и флексия *-en*), для устранения этой тройственности предлагает признать основным критерием выделения морфем особенности их значения и функции. Она считает целесообразным только способ деления слова на лексический и грамматический отрезки (основу и грамматическую часть, которая объединяет, по ее мнению, грамматический суффикс и окончание)¹³. Со стороны словообразовательной, однако, такой подход кажется сомнительным: деривационный суффикс всегда связан с определенной системой флексий; практически обычно анализируется не слово, а словоформа, в образовании которой участвует не только деривационный суффикс, но и грамматический. Кроме того, такой подход не решает вопроса о членении многоморфемных слов. Далее выдвигаются уже три других «основных» критерия членения основы по НС: «1) соответствие L_1 основе самостоятельно функционирующей единицы (слову); 2) соответствие L_2 функционирующей в языке словообразовательной модели; 3) соответствие в той или иной степени мотивированности слова его предметному значению»¹⁴ (L_2 — основа анализируемого слова, L_1 — первичная основа). Подобные рекомендации — это отход от собственно дескриптивного анализа, выясняющего лишь формальные отношения между морфемами¹⁵.

Таким образом, возможности морфологического анализа методом НС не дают оснований для противопоставления его как «современного», «точного», «устаревшему», «неточному» традиционному методу «двойного

¹¹ Там же, стр. 209.

¹² Е. С. Кубрякова, Что такое словообразование, М., 1965, стр. 55. Перечень словообразовательных отношений, не поддающихся анализу по НС, см. также в работах: П. А. Соболева, О трансформационном анализе словообразовательных отношений, «Трансформационный метод в структурной лингвистике», М., 1964, стр. 116; М. А. Кумаров, О соотношении морфемного строения слова и словообразования, ВЯ, 1963, 6, стр. 120.

¹³ М. Д. Степанова, Структура слова и анализ по непосредственно-составляющим, «Проблемы морфологического строя германских языков», М., 1963, стр. 17.

¹⁴ Там же, стр. 19.

¹⁵ О попытке применить методы дескриптивного анализа к материалу русского языка см. также: З. д. Ф. Оливерийус, Морфемный анализ современного русского языка, Прага, 1967. Недостатки такого подхода вскрыты, например, в рецензии И. Г. Милославского, где, в частности, отмечается недоучет семантического фактора, излишнее оперирование нулевыми морфемами, неспособность раскрыть вариантность, рассмотрение таких суффиксов, как *-тель*, *-ец*, *-ак*, как алломорфов одной морфемы и др. (ВЯ, 1969, 3, стр. 135—136).

сопоставления»¹⁶, который на первой ступени морфологического анализа оказывается более приемлемым в смысле удобства применения и доказательной силы. По мере накопления фактов языка основные положения метода «двойного сопоставления», а также объект и принципы его применения могут уточняться и дополняться.

Как известно, подавляющее большинство слов восходит к другим словам, которые, выступая в виде производящих основ, сочетаются определенным образом с теми или иными словообразовательными элементами, следуя существующим в языке словообразовательным типам. Следовательно, обычно слова представляют в конечном счете типовые производные, словообразовательный анализ которых должен заключаться на первой стадии в нахождении их производящих слов (основ) и конкретных словообразовательных и формообразовательных элементов (в нашем случае — суффиксов и флексий), которые принимали участие в их создании, т. е. в нахождении непосредственно-составляющих эти производные. Идеальным представляется положение, при котором науке были бы известны все существующие и существовавшие словообразовательные типы и задача заключалась бы лишь в сопоставлении рассматриваемого производного с тем или иным типом. Однако русское словообразование только еще начинает исследоваться; структура слова с течением времени может изменяться и не соответствовать этимологической, сама словообразовательная система языка непрерывно развивается, обогащается новыми морфемами и типами.

Двойное сопоставление анализируемого слова по вертикальному и горизонтальному ряду является недостаточным. Суффиксальное производное слагается не из двух, а из трех компонентов: производящей основы, суффикса и окончания (возможно, нулевого). Для выделения каждого из них должен быть свой аспект, или ряд, сопоставлений.

С о п о с т а в л е н и е г р а м м а т и ч е с к и х ф о р м. Окончание (в том числе и нулевое) противоплагается в плане информативности основе слова (в данном случае производной) как закрепитель или носитель только категориальных значений носителю вещественного и некоторых категориальных значений. Поэтому его вычленение — путем сопоставления между собой различных грамматических форм анализируемого слова — должно предшествовать анализу основы. Казалось бы, на это можно возразить следующее. При суффиксальном словопроизводстве флексии не выступают как самостоятельные элементы, а самым тесным образом связаны с предшествующим суффиксом и программируются им. Значит, как будто есть основания начинать словообразовательный анализ с выделения не окончания, а производящей основы и суффикса, но проводить сопоставление по горизонтальному ряду с производными, имеющими суффикс с той же системой флексий. Во многих случаях, когда выделение окончаний не представляет трудностей, этим и можно ограничиться. Однако бывают более трудные случаи, когда только сопоставление грамматических форм рассматриваемого слова выявляет границу между окончанием и предшествующим суффиксом. Так, например, понять, что элементы —*ий*, —*ей* в формах род. падежа мн. числа *судий*, *сыновей* представляют не окончания, а варианты суффикса —*й*-, помогает сравнение с ними других падежных форм (*судья*, *судьи*, *судью*, *судий*; *сыновья*, *сыновьям*, *сыновей* и т. д.). То же самое относится к прилагательным типа *птичий*, *овечий*. Слова *гнездо* и *депо* одинаково оканчиваются на —*о*, однако их парадигмика свидетельствует, что в первом примере —*о* является окон-

¹⁶ Ср.: Л. С. Бархударов. О некоторых структурных методах лингвистического исследования, «Ин. яз. в шк.», 1961, 1.

чанием, а во втором — конечным гласным основы. Вследствие этого есть смысл такое сопоставление грамматических форм ввести в словообразовательный анализ как обязательный элемент. Например: *скорость, скоростя, скоростью, скоростей*, где при сопоставлении выделяется основа *скорост'* и флексии, соответственно нулевая (орфографически -ь), -и, -ю, -ей.

Сопоставление с производящими словами. Если по отделении от слова флексии остается непроемкая с синхронной точки зрения основа, дальнейший словообразовательный анализ невозможен, например: *дорог-а, озер-о*. При наличии в слове производной основы последующий анализ должен идти по линии сопоставления его со словом, от которого оно образовано, — в целях выявления производящей основы. В этот ряд желательно включение также — при возможности — других производных с той же производящей основой. Это можно передать следующим образом: *Ба:Б, Бб, Бв, Бг* и т. д., где *Б* — производящее слово (или основа), а строчные буквы обозначают любые словообразовательные элементы. Сопоставление в этом плане отчасти практикует уже Пешковский, приводя к прилагательному *разговорчивый* мотивирующий глагол *разговор-ить-ся*, а также его личную форму *разговор-ю-сь*. Правда, Пешковский, считая, что в данном случае должна быть представлена «та же основа с другими формальными частями», указывает тут же и иные производные, содержащие общую первым двум словам часть: *разговор-ный, разговор-ились*. Однако последние здесь являются лишними, не способствующими избранному направлению анализа: прилагательное образовано не от глагольной, а от субстантивной производящей основы *разговор*, форма же прошедшего времени — от инфинитива, включающего еще дополнительные элементы — суффиксы -и, -сь. У Пешковского встречается весьма необычное понимание основы как общей, но не корневой части некоторых родственных образований.

По этой же причине нельзя сопоставлять анализируемое производное просто с родственными словами (близкими по звучанию и смыслу), как это часто делается¹⁷. Этот термин слишком широкий, он охватывает целое словообразовательное гнездо, куда входят производные не только с производящей основой, но и не имеющие к ней непосредственного отношения.

Нередко делается установка на сопоставление рассматриваемого слова с однокоренными производными. Такой подход в известной степени может быть оправдан лишь тогда, когда речь идет о простых по структуре образованиях, в которых корень является и производящей основой. Например, З. А. Потиха для доказательства того, что существительные *вазочка, стеночка, булочка, ласточка* не относятся к одному словообразовательному типу, предлагает подобрать однокоренные слова¹⁸. В существительных *вазочка* и *булочка* этот прием помогает выявить корни (*ваз-а, булк-а*), суффиксы (-очк-, -ж-) и окончание (-а), потому что здесь корни являются и производящими основами. В существительном же *стеночка* при таком подходе (корень *стен-*) мог быть неправильно выделен суффикс -очк(а), ибо в данном случае корень не совпадает с производящей основой. Во избежание ошибки необходимо сопоставить производное *стеночка* не просто с однокоренными образованиями, а с производящим существительным *стенка*. Ориентация на подбор однокоренных производных мо-

¹⁷ Е. В. М а л и ш е в с к а я, К вопросу о морфологической структуре слова в современном английском языке, «Уч. зап. [ЛГУ]», 260. Серия филол. наук, 48, 1958, стр. 189.

¹⁸ З. А. П о т и х а, Современное русское словообразование, М., 1970, стр. 91.

жет привести к сопоставлению существительного *ласточка* с такими словами, как *ласт*, *ластик*, *ластиться*, не говоря уже о народных однокоренных образованиях *ластица*, *ластовка* и т. п.

Еще более расплывчатой представляется рекомендация выделять значимые части «посредством сопоставления тех слов, у которых имеется нечто общее как в значении, так и в звучании»¹⁹. С этих позиций можно было бы сопоставлять, например: *кора*, *корень*, *корзина*, *корица*, *короб*, *короста*, *корчага*, *корчить*, *корыто*, *коряга*, *корезиться*, хотя многие из этих лексем в словообразовательном отношении никакой связи друг с другом не имели и не имеют. Не помогает и уточнение, по которому «для исследуемого слова подыскивается то слово, которое в наименьшей степени проще его по форме и по смыслу»²⁰: сопоставим ли мы существительное *корчага* с глаголом *корчить* или с существительным *кора*, это роли не играет и никаких положительных результатов не дает и дать не может ввиду их явной словообразовательной несводимости.

Особый случай представляют производные, производящие слова которых не употребляются в свободном состоянии, например: *плотва*, *плотица*, *плотка*; *телиться*, *теленки*, *телята*, *телица*, *телка*, *теляши*, *телок*, *теляши* и др. Естественно, что при анализе таких производных сопоставление может идти не с производящими словами, а только со словами, непосредственно образованными от них, т. е. *Ба:Бл*, *Бе*, *Бг*.

Если производящая основа определена правильно, остаточный элемент в производном и должен быть тем слово- или формообразующим аффиксом, посредством которого создана анализируемая производная основа. Произведенное членение должно быть подтверждено данными еще одного ряда.

Сопоставление с одномоделными словами. Анализируя, например, существительное *бычятина*, образованное по модели «название животного + суффикс *-атин(а)* со значением мяса», следует выключать в третий ряд не существительные *дохлятина*, *свежати́на* и тем более не *пошлятина*, *серятина*, а *кобылятина*, *стервятину*. Слова *дохлятина*, *свежати́на*, хотя и содержат суффикс *-ятин(а)* с тем же значением, однако образованы не от субстантивных производящих основ, а от адъективных (*дохлый*, *свежий*). Следовательно, в рамках общего словообразовательного типа они представляют иную модель. Слова *пошлятина*, *серятина* не только восходят к прилагательным (*пошлый*, *серый*), но и имеют суффикс *-ятин(а)* с иным, качественным значением. И лишь третий ряд производных соответствует по словообразовательной модели рассматриваемому существительному.

В древнерусском слове *рогати́на* мы видим не отсубстантивное, а отадъективное образование (ср. *рогатый*), так как не существовало суффикса *-атин(а)* с конкретно-предметным значением. Поэтому слово *рогати́на* следует сопоставлять не с указанными существительными на *-атин(а)*, а с иными производными — включающими суффикс *-ин(а)* и адъективные производящие основы: *вощина* «восковая ячейка в улье», *зелени́на* «зеленый плод». Естественно, что в данный ряд не могут быть поставлены и отсубстантивные производные *дубина*, *личина* «палобник».

А. М. Пешковский предлагал включать в горизонтальный ряд ту же «формальную часть с другими основами». В этой рекомендации не указа-

¹⁹ В. Лопатин, И. Улуканов, О принципах словообразовательного анализа и классификации морфов, «Р. яз. в нац. шк.», 1969, 5, стр. 10. См. также: Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова, О предмете и задачах морфологии и ее месте среди других лингвистических дисциплин, «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1967, стр. 19—22.

²⁰ В. Лопатин, И. Улуканов, указ. соч., стр. 11—12.

на обязательность семантической общности «формальной части» словообразовательного элемента и не конкретизировано определение «другие» при термине «основы» (в лексическом или лексико-грамматическом плане? Если последнее, то это не согласуется с требованием лексико-грамматической общности производящих основ). Исходя только из указанной формулировки, можно сопоставлять слово *поздревщина* с производными *боярщина, женщина, псковщина, испольщина*, но это ничего не говорит о характере его образования, так как первые два исторически имеют суффикс *-ин(а)*, а последние два включают суффикс *-щин(а)* с другой семантикой, который хотя и сочетается с именами существительными, но иных лексико-семантических групп. Тот же недостаток кроется и в рекомендации «установить существование в языке... противопоставления: внутри словообразовательного ряда, объединенного одним общим деривационным элементом»²¹. Нельзя принять и рекомендацию доказывать выделенность и наличие морфемы «с точки зрения функционирования в системе языка данной морфемы со сходным (почему не тождественным? — В. М.) значением или категориальной функцией»²².

Предпочтительнее говорить о сопоставлении анализируемого слова с одномоделными, а не с «одноструктурными», как нередко предлагается в специальных работах²³. Под структурой производного мы понимаем последовательное соотношение в нем производящих основ и словообразовательных (формообразовательных) элементов. Если ориентироваться при сопоставлении на одноструктурные производные, то при анализе, например, древнерусского производного *давленина* «мясо удушенного животного» нельзя включать в соответствующий ряд древнерусские же существительные *удавленина* в том же значении и *изъѣденина*, ибо они имеют разную структуру. Ср.: (*давл+ен*) + *ин+а* и [(*у+давл*)+*ен*] + *ин+а*, [(*из+ѣд*) + *ен*] + *ин+а*. На самом же деле сопоставление здесь вполне возможно, так как все эти семантически однородные слова представляют на последнем этапе образования отричастные производные с суффиксом *-ин(а)*: *давлен+ин+а, удушен+ин+а, изъѣбен+ин+а*.

Не могут удовлетворить и многие другие рекомендации, касающиеся метода морфологического анализа, например: «Выделение различных морфем в слове..., а также определение их значений производится на основе сопоставления с другими словами (? — В. М.) и другими формами данного слова»²⁴; «Надо, чтобы выделяемые морфемы с тем же значением повторялись в других словах (? — В. М.) того же языка той же эпохи»²⁵.

Из сказанного очевидно, что мы не можем согласиться и с рекомендацией при членении слова исходить из наличия той или иной его части «с тем же значением в другом лингвистическом окружении»²⁶. Это слишком общая установка, не делающая различий: 1) в отношении противопоставленных компонентов производного: производящих основ и аффиксов; 2) в отношении специфики «лингвистического окружения» в том или ином ряду сопоставлений.

Учет при словообразовательном анализе имеющихся в языке моделей является своего рода «самоконтролем» произведенного членения и осу-

²¹ Е. С. Кубрякова, указ. соч., стр. 28.

²² А. С. Герд, Некоторые вопросы морфемного анализа имен существительных, «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка», М., 1965, стр. 56.

²³ З. А. Потеха, указ. соч., стр. 91; Р. Г. Зятковская, Суффиксальная система современного английского языка, М., 1971, стр. 34.

²⁴ «Современный русский язык», М., 1952, стр. 35.

²⁵ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1955, стр. 215.

²⁶ Е. С. Кубрякова, О типах морфологической членимости слов, квазиморфах и маркерах, ВЯ, 1970, стр. 2, 80.

ществляется практически носителями языка. Так, ни у кого не возникает сомнения, что название одной ягоды — *земляничина* образовано от существительного *земляника* (а не от слов *земля*, *земляной*) посредством суффикса *-ин(а)*, имеющего значение единичности, потому что у каждого на памяти целый ряд аналогичных образований: *жемчужина* (*жемчуг*), *изюмина* (*изюм*). Если в языке отсутствует производящее слово или одномодельные образования, выделение аффиксов в анализируемом производном — за редким исключением — нельзя признать доказуемым. Только при нахождении материальных и функциональных элементов данного слова в других словах достигается объективность морфологического анализа.

Таким образом, метод трехаспектного сопоставления анализируемого образования: 1) с его грамматическими формами; 2) с производящим словом и производными от него; 3) с одномодельными словами — обеспечивает надежность членения производного на непосредственно-составляющие.